

Хлоп!

Я с силой швырнул кисть. Палитра полетела на пол, краски кляксами растеклись по полу, забрызгав мою одежду и лицо разноцветными пятнами.

Еще одна неудача.

— Мастер Цинь Жань... — позировавший мне обнаженным красавец торопливо поднялся с ложа перед холстом и, не успев даже одеться, подошел, пытаясь меня успокоить. Я оттолкнул его.

— Проваливай!

Моя рука случайно задела его щеку, оставив на ней цветной след, но он, кажется, ничуть не рассердился. Схватив мою ладонь, он, как преданный пес, склонил голову и поцеловал тыльную сторону:

— Ничего страшного, мастер Цинь Жань, попробуйте еще раз. Я обязательно стану вашей новой музой...

Мне было лень смотреть на этого ухажера, привязавшегося ко мне еще со вчерашнего приема и увязавшегося следом домой. Я раздраженно выдернул руку.

— Повторяю: проваливай.

Выставив за дверь парня, на которого я впустую потратил сутки, я ворвался в ванную и погрузил лицо в ледяную воду — конец октября давал о себе знать. Лишь когда я начал задыхаться, я поднял голову.

Вода, смешанная с краской, стекала с челки — красные, зеленые струйки подчеркивали мертвенную бледность моего лица и темные круги под налитыми кровью глазами.

Когда-то Мин Ло обожал мои «персиковые» глаза и эту красную родинку в уголке. Он всегда говорил, что мой взгляд обжигает душу, что стоит лишь раз попасть под него — и человек, словно мотылек на пламя, безропотно сгорит дотла. Но теперь мой взгляд потух, выцвел, словно сгнившие лепестки на дне заброшенного колодца — в нем не осталось ни искорки жизни.

Все мои удачные картины были рождены благодаря Мин Ло. В каждом моем триумфе таилась его тень. Он был скелетом моих полотен, душой моей кисти, моим воплощенным идеалом... но авиакатастрофа разрушила всё. Мин Ло погиб. Погиб в Таиланде, на своей родине.

Моя муза умерла, и вместе с ней умерло мое искусство.

С тех пор я, словно одержимый, искал натурщиков, похожих на Мин Ло. Мужчины, женщины — все с приятной внешностью, но без исключения — пустышки.

«Burning papers into ashes...»

В пустой ванной внезапно раздалась знакомая, неземная мелодия. Это была «Dust in off» — заглавная тема из любимого фильма Мин Ло. На мгновение мне показалось, что он вернулся. Мокрый, я выбежал из ванной.

Но в гостиной царил прежний хаос: мольберт валялся на полу, банки с краской были разбросаны... Это звонил мой телефон.

Взглянув на определившийся номер, я нажал кнопку ответа.

— Алло, доктор Сян.

— Цинь Жань, сегодня твой визит ко мне, не забудь, — раздался в трубке мягкий мужской голос. — У тебя очень хриплый голос, ты не заболел? Может, мне заехать к тебе?

— Не нужно, — я вытер воду с лица, глядя на последний отблеск заката, тающий за крышей соседнего небоскреба. — Хочу побыть один.

— Если не хочешь на прием, можем просто поужинать вместе. Я приготовил твою любимую текилу. Не сиди один в четырех стенах...

— Сян Нань, — я усмехнулся, напоминая ему, — вы всего лишь мой врач.

— А Жань, я...

Сян Нань хотел сказать что-то еще, но я его перебил:

— Не называйте меня так. Мы недостаточно близки.

— Цинь Жань! — голос Сян Наня взлетел вверх, в его обычно спокойном тоне послышалось с трудом сдерживаемое волнение. — В тот вечер ты согласился попробовать со мной, Цинь Жань, ты забыл?

Говорил ли я такое? Я потер ноющие виски.

— Это были пьяные слова. Мне очень жаль.

— Ты что, решил носить траур по Мин Ло? Когда он был жив, я не видел, чтобы ты его так уж любил, а теперь, когда он умер, ты разыгрываешь великую скорбь?

Не дожидаясь конца тирады, я не выдержал и повесил трубку.

Почти полгода прерывистой психотерапии не вылечили мою бессонницу, зато внушили доктору несбыточные надежды. Он не мог излечить мою болезнь. Никто не мог.

Только я собрался выключить телефон, как пришло сообщение.

«Учитель Цинь Жань, готова ли ваша работа для выставки в следующем месяце? Вы же гвоздь программы! СМИ и ваши поклонники очень ждут...»

Я прислонился к стеклу, закурил, глубоко затянулся и, запрокинув голову, выдохнул дым. Меня не волновали эти чертовы СМИ, меня волновало только одно — действительно ли я итссяк как художник? Сквозь дымную завесу мой взгляд упал на паутину за шторой.

На ней бился мотылек, в предсмертной агонии. Паук медленно приближался к своей жертве. Словно паутина сдавила мне горло, я задышался. Затушив сигарету, я быстро собрал краски, инструменты и немного вещей в дорожную сумку, схватил ключи от машины.

Мне нужно было бежать отсюда. Бежать из кокона, который я сам сплел.

Иначе я задохнусь в нем.

Открыв дверь, я, как и ожидал, обнаружил у порога гору роз и подарков с открытками-признаниями — всё от тех ухажеров, которые решили, что после смерти Мин Ло смогут воспользоваться моментом и занять его место. Толпа самонадеянных пустышек, вообразивших себя моими новыми музами.

Я с отвращением растоптал букеты и, ступая по лепесткам, спустился вниз.

Когда хлынул ливень, я был уже далеко от Цзянчэна.

Лобовое стекло сотрясалось от ударов капель, «дворники» не справлялись с потоками воды, льющимися словно из ведра. Я сбавил скорость и взглянул на навигатор.

То ли из-за плохого сигнала, то ли еще почему-то, мое местоположение на карте постоянно менялось, прыгало, как призрак. Горная дорога вела к хребту Суваця в провинции Сунань, что находилась более чем в четырехстах километрах от Цзянчэна. Впереди, судя по карте, предстояло проехать около тридцати километров через густой туманный лес, чтобы добраться до ближайшей деревни. Возвращаться же было больше трехсот километров. Ни жилья впереди, ни возможности быстро вернуться назад. Поразмыслив, я решил все же ехать обратно.

Ехать ночью по горной дороге в ливень — само по себе испытание для нервов, а тут еще сообщения от Сян Наня сыпались одно за другим, без остановки.

«Цинь Жань, где ты? Почему не отвечаешь? Я очень волнуюсь. Прости, я погорячился. Я твой врач и не должен был говорить такого».

«У тебя просто временный творческий кризис, это нормально, ничего страшного. С творческими людьми такое случается. Пожалуйста, не делай глупостей, хорошо?»

«Я не знал, что ты так привязан к Мин Ло. Но нужно жить дальше, нужно двигаться вперед. Я могу быть рядом, могу помочь тебе. Я буду ждать».

Больной здесь я, но, кажется, Сян Нань болен еще серьезнее.

Я потерял переносицу и, наконец, не выдержав, открыл его контакт. Уже собирался добавить его в черный список, как боковым зрением заметил в зеркале заднего вида приближающийся небольшой грузовик. Горная дорога была узкой, и я поспешно вывернул руль, уступая ему место.

Грузовик проехал вплотную к моей машине. Поняв, что это, скорее всего, кто-то из местных горцев, я опустил стекло и крикнул ему на сунаньском диалекте:

— Эй, брат, ты, случайно, не в Лесное море едешь? Не подбросишь? У меня навигатор барахлит!

Силуэт в кабине не шелохнулся, грузовик не сбавил ход и, обогнав меня, поехал дальше. Мой взгляд невольно упал на открытый кузов — там лежал мешок размером с человека. Одиноким, промокший насквозь под дождем, он так плотно облепил то, что было внутри, что его очертания действительно напоминали... человеческое тело.

Горная дорога. Грузовик. Мешок. Странное предчувствие заставило меня включить дальний свет, чтобы рассмотреть получше.

И в этот момент я увидел, как мешок согнулся пополам.

Словно человек внутри пытался сесть.

Сердце бешено подпрыгнуло. Не успев даже подумать, тело среагировало само — я вдавил педаль газа в пол. Мой «Форд Бронко» взревел и рванулся вперед, догоняя грузовик. Обогнав его на несколько десятков метров, я резко затормозил, едва не врезавшись в покосившееся ограждение у края дороги. В полуметре зияла пропасть. Я перегородил дорогу, преграждая путь грузовику. Глядя на вынужденно остановившуюся машину, я, прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу, тихо скомандовал:

— Сири, набери полицию.

В детстве я был бессилен изменить свою участь похищенного ребенка. Хотя приемные родители хорошо ко мне относились все эти годы, они никогда не смогли бы восполнить боль разлуки с настоящими родителями. Воспоминания о детстве стерлись, мои корни затерялись без следа.

Поэтому я не мог... не мог допустить, чтобы еще один человек, еще одна семья — родители и ребенок — разделили мою участь, чтобы их навсегда разделила эта непреодолимая пропасть вечной боли.

Сквозь стену дождя я увидел, как силуэт водителя наклонился вперед. Раздался резкий гудок, потом еще и еще — он явно нервничал. Опасаясь, что он рванет с места и попытается скрыться на какой-нибудь боковой тропе, я глубоко вздохнул, решительно схватил складной мольберт с пассажирского сиденья и вышел из машины.

— Выходи! — я направил мольберт на окно кабины. — Я уже вызвал полицию и всё записал на видео! Тебе не уйти! Выпусти того, кто в кузове!

Гудки резко оборвались.

Мое дыхание замерло. Я вглядывался в водителя. Свет фар, пробиваясь сквозь потоки воды на стекле, тускло освещал его. Это был худой мужчина лет сорока, типичный горец из Сунаня. Голова обмотана грязной тряпкой, давно потерявшей цвет, кожа смуглая, лицо изрезано глубокими морщинами. Между бровями виднелась татуировка в виде какого-то символа, придававшая ему злое и свирепое вид.

Наши взгляды встретились. По спине, под промокшей майкой, пробежал холодок. Я запоздало осознал, насколько опрометчиво поступил.

Эти торговцы людьми — отчаянные головорезы. Он один, везет похищенного человека в горы — наверняка вооружен. Что, если у него самопал или арбалет? Да даже серп или молоток — и то мне с этим мольбертом против него не выстоять.

Но отступать было поздно. Я уже вызвал полицию. Даже если не справлюсь, нужно тянуть время. Видя, что он сверлит меня взглядом и не двигается, я стиснул зубы и с силой ударил мольбертом по боковому стеклу. Стекло разлетелось вдребезги, осколки и брызги воды

полетели во все стороны. Я приставил ножку мольберта к его виску и рявкнул:

— Выходи!

Если бы я полез сразу в кузов спасать жертву, он мог бы резко тронуться вперед или назад и сбить меня. Ситуация вышла бы из-под контроля.

Говоря это, я внимательно следил за его руками на руле, опасаясь, что он потянется за оружием. Я решил, что при малейшем подозрительном движении оглушу его, а полиции потом объясню, что это была самооборона в чрезвычайной ситуации.

— Му Ва! Баса! — сплюнул вдруг торговец людьми и грязно выругался. Это был горный диалект провинции Сунань, я его понимал. «Баса» означало «тупой как свинья».

Да, мой поступок был довольно глупым. Но одна глупость, возможно, спасет чью-то жизнь. Я крепче сжал мольберт и дернул ручку двери:

— Выходи. Открой замки.

Мольберт был металлическим, довольно тяжелым. Удара по голове должно было хватить, чтобы оглушить его.

— Баса! — снова рявкнул торговец. Его голос был хриплым и срывался от ярости, но в нем слышалось и что-то похожее на... отчаяние? Одна его рука дрожащей поползла к кнопке центрального замка и нажала ее. Услышав щелчок, я тут же распахнул дверь, схватил торговца за воротник и выволок наружу.

Он вывалился из кабины, и тут я заметил, что одна его нога как-то неестественно выпрямлена — то ли кости срослись неправильно, то ли это был протез. Инвалид? Инвалид — и занимается таким? Или, скорее, это кара за его дела?

Он был худым, низкорослым, в тонкой одежде, которая тут же промокла и облепила тело. Оружия при нем, похоже, не было. Я регулярно занимался спортом, так что в прямой схватке у меня было преимущество. Но терять бдительность было нельзя. Держа его на прицеле мольберта, я подтолкнул его к кузову.

Увидев мешок в кузове, я замер.

Под ливнем этот мешок, который только что казался обернутым вокруг человеческого тела, теперь был истыкан множеством дыр, проделанных сухими ветками, словно выросшими изнутри. Сквозь прорехи виднелись пряди черных волос, змеящиеся по мокрому дну кузова. Но тот, кто пытался сесть внутри, теперь лежал неподвижно. Мертв? Или без сознания?

Не теряя времени, я забрался в кузов и откинул край мешковины. И застыл на месте. Вспышка молнии расколота небо, и под раскат грома мертвенно-бледный свет на мгновение озарил содержимое мешка...

Внутри действительно было нечто человекоподобное, завернутое в белый плащ. Под плащом виднелся воротник в характерном для Сунаня этническом стиле — черная ткань с вышитым золотыми и красными нитями рельефным узором, отороченная мехом. На шее — несколько рядов бус. Даже беглого взгляда хватило, чтобы различить янтарь, коралл, малахит и агат... Лицо скрывала маска из переплетенных нитей с бусинами и золотой бахромой внизу. Виднелся только подбородок, но его текстура совсем не походила на человеческую кожу — на ней отчетливо проступали древесные волокна.

Я изо всех сил зажмурился, не веря своим глазам, откинул бахрому. Первым, что бросилось в глаза, был желтый бумажный талисман с кроваво-красными иероглифами — такие обычно используют в фильмах для усмирения призраков. От дождя талисман промок, и под ним смутно проступили высокий нос и пара полуприкрытых глаз с задранными вверх уголками.

Это был не человек... Это была деревянная кукла.

Я отдернул руку, чувствуя, как по спине пробегает леденящий ужас. Как такое возможно? Я же видел, как она двигалась!

— Баса! — раздался за спиной голос водителя. Я обернулся и испугался еще больше. Водитель стоял на коленях на земле, трясаясь всем телом и кланяясь кузову. Казалось, он был в ужасе до такой степени, что его лицо исказилось до неузнаваемости.

— Бесплезно... — услышал я его бормотание на местном диалекте. — Опоздали... теперь и сжигать бесполезно... не сбежать... никому не сбежать...

— О чем ты говоришь? — я спрыгнул из кузова и помог худому водителю подняться. — Прости, я ошибся, я думал, ты торговец людьми...

— Баса! — водитель оттолкнул меня и снова рухнул на колени, принявшись биться головой о землю. Тук-тук-тук. Я в ужасе схватил его за руки. Лоб у него был разбит, кровь, смешиваясь с дождем, стекала по лицу, но он, казалось, не чувствовал боли. Он уставился на меня невидящими глазами, и его губы медленно растянулись в жуткой усмешке.

— Знаешь, что это?.. — прошептал он, смеясь и бормоча одновременно. — Это кукла-заместитель нашего Владыки Мертвых Богов... Ты увидел его лицо... Теперь тебе вовек не сбежать... На веки вечные станешь его рабом!